

Писатель будущего

Кучерская М. Лесков. Прозванный гений.

М.: Молодая гвардия, 2021. — 622 с. — 3000 экз. — (ЖЗЛ. Вып. 1865).

«Писателем будущего» назвал Лескова Лев Толстой. Как многие высказывания Толстого, это выражение неоднозначно: его оценят и поймут только в будущем? он предугадал будущее страны и народа? Бесспорно одно: среди биографий «замечательных людей» впервые появилась биография Лескова. Биография настолько же незаурядная, как незаурядна была жизнь героя этой книги.

Книга написана писателем (помните серию «Писатели о писателях»?). Наверное, у авторов биографических книг велик соблазн «сочинять» — «придумывать несуществующих мужчин и женщин, детей и бабушек, их встречи, сны, разговоры, озарения...» (с. 10), но здесь этого, слава богу, нет — это другой жанр. Эта книга написана филологом — то есть человеком, который подчинил себя чужому тексту, который не стремится к самовыражению через писателя, но постигает героя и художественно, и исследовательски. Впрочем, едва ли это легко разделить. И прекрасный эпилог, сочиненный вполне в стилистике Лескова (со всем *exuberance*, то есть стилистическим излишеством, как однажды выразился Л. Толстой), достойно венчает книгу.

Важный вопрос — кому адресована биография писателя? Обычный ответ — «широкому читателю» — едва ли удовлетворителен. Автор предупреждает: «Надеюсь, что переключение из одного регистра в другой (от писательской реконструкции к литературоведческому исследованию. — Л.С.) не потребует серьезных усилий. Впрочем, на читателя, вовсе не готового к ним, я и не рассчитываю» (с. 11). Скажу больше: книга рассчитана на тех, кто узнает раскавыченные цитаты: «Слова писателя суть дела его» (Пушкин, с. 11); «Регентует чернокудрый Евген, стоит посреди комнаты, густым голосом ведет неумелый хор. Глистовидный Георгиевский в коричневом франтове, добытом по случаю на Ильинке» (письмо Лескова В. Иванову¹); «Я бросаю перо» (Тургенев, с. 150); «Все здесь сошлось и соединилось: все верования, все культурные пласты, *все сны детворы*» (Пастернак, с. 339).

Конечно, это выдающаяся филологическая работа: дело не только в том, что в ней более тысячи ссылок, из которых важная часть — архивные (на московские, петербургские, орловские, пензенские и киевские архивы), то есть впервые включенные в научный контекст лесковские материалы; не только в широком фоне писательской биографии Лескова, но и в точности портретов современников, часто полемически переосмысленных (как, например, три страницы, посвященные В.И. Аскоченскому, или блестящий портрет Евгении Тур), в умении передать единство жизни и творчества весьма «нелинейного» нравом писателя.

А что предшествует долгожданной книге в «ЖЗЛ»? Что читала М. Кучерская, на что опиралась?

Первая книга — «Против течений» (1904) А.И. Фаресова². Детство, семья, «идеализм молодости», начало литературной деятельности. Книга защитника, почи-

1 Исторический вестник. 1916. № 3. С. 805.

2 Фаресов А.И. Против течений: Н.С. Лесков, его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем. СПб., 1904.

тателя, собеседника последних десяти лет. Раздражение против Лескова «прогрессивной общественности» не исчезло и через десять лет после его смерти; «г-н Фаресов не оказался на высоте своей задачи, и предпринятая им реабилитация покойного друга оказалась неудачной», потому что Лесков забыл «лучшие традиции нашей литературы»³.

Вторая — критический очерк Акима Волынского «Н.С. Лесков» (1898)⁴. Здесь уже больше личного, биографического (несколько пассажей из этой книги М. Кучерская цитирует). Ф.Э. Шперк писал: «...первое, что мне бросилось в глаза в них (статьях Волынского о Лескове. — Л.С.) — это навязчивость, с которой посредственный писатель о двух или трех идеях, о двух или трех чувствах (навязчивость всегда сопровождается духовной скудостью) пробирается в идейное и душевное родство к даровитому писателю, не имея на то ни малейшего права и основания, кроме разве права литературной беззастенчивости»⁵. Здесь, наверное, говорит личное нерасположение к инородцу — до Лескова рецензенту дела, в общем, нет.

В книге Леонида Гроссмана «Н.С. Лесков» (М., 1945) жизнь и творчество разделены (125 и 176 страниц); московское житье (Евгения Тур, «Русская речь», Суворин, Феоктистов и проч.) — четыре с половиной страницы; пожарная история — четыре страницы. Это, разумеется, не упрек: Кучерская показывает, как медленно, с трудом, с оговорками, с бесконечными упоминаниями горьковских добрых слов возвращался Лесков к читателю в советское время. Книги Гроссмана о Пушкине и Достоевском вышли в «ЖЗЛ», Лесков — нет.

И главный предшественник М. Кучерской, главный источник наших знаний о Лескове — Андрей Николаевич, сын, автор двухтомной монографии об отце. О сложных, драматических, мучительных отношениях отца и сына в книге говорится много, прямо и убедительно (чего стоит хотя бы письмо А.Н. Лескова к Л.Я. Гуревич, приведенное М. Кучерской); исследовательница не судит писателя (это было бы и бестактно, и просто глупо), но не скрывает ничего из доступных ей подробностей семейных отношений Лескова. Здесь можно вспомнить авторское предисловие к книге: «Лесков был человеком разорванным. Его постоянно “вело и корчило”, растаскивало между скепсисом и восхищением, гимном и проклятьем, идиллией и сатирой, нежным умилением и самой ядовитой иронией, ангелом и аггелом, праведниками и злодеями» (с. 5). Это, конечно, выразилось и в отношении к сыну. Вот отрывок из письма к М. Пейкер, у которой гостил тринадцатилетний Андрей: «Разлука с ним меня просто пересиливает до того, что я уже стараюсь о нем не думать. Не только верю, но знаю, что Вы и дочь Ваша чувствуете, что в руках ваших *все* мое земное счастье; знаю и то, что мальчику моему весело и полезно быть с добрыми, христианскими и благовоспитанными женщинами, которых я и он любим, несмотря на упорное притворство одной из них в злосердечии, но... все-таки сердце ноет и тоскует по хлопцу»⁶; а вот письмо брату А.С. Лескову через шесть лет: «Надежда 20 лет — иметь в сыне “друга” и “собрата” в старости — разбита и обгажена. Я не из тех людей, которых надо утешать и которым горе их можно представить так и иначе. Я ничего этого не прошу и ничего не ожидаю. Какая бы слава его ни ожидала, — друга у меня нет и не будет, — я живу и умру одиноким»⁷. Стоит

3 Миргородский С. Неудачная реабилитация Лескова // Северо-западное слово. 1904. № 2006. 10 июля.

4 Волынский А.Л. Н.С. Лесков. Критический очерк. СПб., 1898.

5 Апокриф [Шперк Ф.Э.] Полемиические письма // Новое время. 1897. № 7654. 19 марта.

6 РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 161. Л. 18 (Письмо от 24 июня 1879 г.).

7 ИРЛИ. Ф. 220. № 51. Л. 10 (23 сентября 1885 г.).

помнить, что сын, по выражению В. Десницкого, — «одного леса медведь с... батошкой»⁸. Желание А.Н. Лескова «вместо бездоказательной “воспоминательной” трухи — дать достоверную повесть дней и трудов “тайнодума”, “рассказ которого одухотворенная песнь”»⁹, бесспорно осуществилось; прав А.А. Горелов: «Нет, в биографии отца Андрей Лесков не сводит запоздалые счёты: он повествует о жизни родного по крови и во многом ближайшего по духу человека, о жизни одного из крупнейших русских писателей с объективностью и достоинством академического ученого, вместе с тем сострадавая мятущейся натуре художника, жившего поистине в свете молний, в непрестанной борьбе за признание истинности своих мысли и слова, и притом постоянно мучимого собственной мнительностью, взрывчатостью импульсивного характера, настроениями минуты»¹⁰. Кучерская показывает то, что осталось за страницами жизнеописания, героически составленного сыном Лескова; эти реальная сложность, драматизм, даже трагизм характера Лескова несколько, на мой взгляд, не умаляют его значительности — как не умаляют ее известные черты характера Достоевского или Щедрина, которых тоже немало «вело и корчило».

У Лескова не было друзей, — пишет М. Кучерская. При этом в книге много говорится об отношениях нашего героя с П.К. Щебальским, В.В. Крестовским, С.Н. Терпигоревым (Атавой) и другими. Здесь автор следует за А.Н. Лесковым, который к списку несостоявшихся друзей добавил и С.Н. Шубинского, и А.П. Милюкова, и других. Но у кого из наших великих писателей были друзья? У Достоевского? У Тургенева, который перессорился со всей русской литературой, кроме Павла Анненкова и Якова Полонского? У Толстого? Едва ли мы ошибемся, если решим, что после Жуковского и Пушкина никто — ни Лермонтов, ни Гоголь, ни Некрасов — счастлив в дружбе не был и таланта дружить не проявил.

Есть еще один автор, чьи работы о Лескове не могут быть обойдены: Лев Александрович Аннинский. И М. Кучерская знает эти работы и на них ссылается, при этом не повторяя своего предшественника. Вот разговор о романе «Некуда», о котором Л.А. Аннинский писал и в «Лесковском ожерелье» (три издания), и в книге «Три еретика» (серия «Биография писателя», один из трех — Лесков)¹¹. Исследователи (а до них возмущенные критики) давно установили, чьи «портреты» представлены в первом лесковском романе. «Но если карикатуры Лескова на Слепцова, Ничипоренко и других социалистов подробно изучались, пара Лиза Бахарева — Мария Коптева никогда не рассматривалась исследователями. Между тем весьма детальный документальный рассказ о Коптевой сохранился в “Записках” Екатерины Ивановны Жуковской, в первом замужестве Цениной (1841—1913), уникальность которых заключается в том, что мемуаристка сама жила в Знаменской коммуне, а до этого училась с Марией в Институте благородных девиц» (с. 222). Дело не только в установлении прототипа или в подробностях создания персонажа, хотя в случае «Некуда» это, бесспорно, важно; любопытно, что Мария Коптева, ставшая женой Артура Бенни, героя лесковского очерка «Загадочный человек», не приняла ни самого очерка, ни (по предположению М. Кучерской) романа «Некуда».

М. Кучерская предлагает прочесть «Некуда» как роман «о необходимости иметь дом и тупике бездомности. Потому что тем, у кого нет настоящего дома, дей-

8 Десницкий В. Предисловие // Лесков А.Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным запискам и памяткам. М., 1954. С. IV.

9 Лесков А.Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным запискам и памяткам. М., 1984. Т. 1. С. 34.

10 Горелов А. Книга сына об отце // Там же. С. 22.

11 Аннинский Л.А. Лесковское ожерелье. М., 1982; Он же. Три еретика. М., 1988.

ствительно некуда идти» (с. 213). На фоне известных фактов, говорящих о постоянной озабоченности Лескова домашним уютom, это многое объясняет в раннем романе писателя.

Разница подходов исследователей к творчеству Лескова обнаруживается в разговоре о любом лесковском сочинении. Вот «Леди Макбет Мценского уезда». Аннинский: «Без ощущения “русской загадки” Лесков непредставим. Народную русскую толщу он знал лучше других классиков. “Словесный узор”, который мы привычно ищем у Лескова, есть порождение тектонических сдвигов, улавливаемых им в толще векового быта. Эти сдвиги — вне привычной логики, они — в ином измерении, “за гранью” видимого...»¹² Для Л.А. Аннинского самое интересное — как читали и читают Лескова в разное время, и прежде всего — наши современники; вот рассказ о фильме Романа Балаяна «Леди Макбет Мценского уезда» (1982) с Натальей Андрейченко в главной роли: «Я ее (главную героиню. — Л.С.) воспринимаю на сегодняшнем фоне: на том фоне, когда детские дома переполнены (в мирное время!), растить и воспитывать детей некому, и сюжет о матери, которая, родив, подкидывает ребенка “к порогу роддома”, а сама идет гулять дальше, — сюжет этот становится в нашей криминологии одним из самых модных. Рушится последняя основа — женская душа, пропадает инстинкт рода, инстинкт семьи — вот на каком фоне я воспринимаю героиню Натальи Андрейченко, шарахнувшую подсвечником мужа, давившую ребенка и утопившую соперницу. Ради чего? Ради любви? Но тут ее нет»¹³.

А вот как работает М. Кучерская. Сначала — поиски реальной основы повести (это очень важно: попробуйте сравнить газетный отчет о деле корнета Бартенева с рассказом Бунина «Дело корнета Елагина», и вы увидите, как работает художник с материалом). «Но ни в столичных газетах, ни в просмотренных нами насквозь “Орловских ведомостях” за 1838—1864 годы, публиковавших криминальную хронику, ни в делах Орловской палаты уголовного суда указаний на подобные преступления нет» (с. 240). Потом — контекст, время появления повести: «...этот лубок или жестокий романс в народном духе оказывается необыкновенно злободневным текстом, впитавшим множество актуальных тем. Первая и самая очевидная — “женский вопрос”» (с. 245). Контекст требует предъявления: «Одно из самых знаменитых художественных исследований “женского вопроса” представлял собой, разумеется, роман Чернышевского “Что делать?” (Современник. 1863. № 3—5), но им дело не исчерпывалось — см., например: Жадовская Ю. Женская история // Время. 1861. № 1, 3, 4¹⁴; Панаева А. Женская доля // Современник. 1862. № 3—5; Карнович Е. Проблески счастья // Современник. 1862. № 8, 9. В том же ряду, конечно, и “Житие одной бабы” самого Лескова» (с. 248). И, наконец, место лесковской реплики в споре современников: «Ответ Лескова прогрессистам и “нетерпеливцам”, заодно и “Грозе” Островского, в “Леди Макбет...” вполне однозначен: вот к чему ведет женщину ее “право на любовь” — к преступлениям и гибели» (с. 249).

Но контекст шире «женского вопроса»: «В периодике 1860-х оживленно обсуждались условия содержания заключенных, а также социальные и психологические причины преступлений» (с. 250). Не случаен сочувственный интерес к лесковской повести автора «Записок из Мертвого дома»; в журнале «Время», как показывает М. Кучерская, публикуются переводные уголовные хроники, «среди которых было и несколько нашумевших историй отравительниц» (с. 251). Автор вспоминает и очерки И.В. Селиванова, «служившего саранским уездным судьей и

12 Аннинский Л.А. Лесковское ожерелье. СПб., 2012. С. 102.

13 Там же. С. 128.

14 Здесь и далее в этой цитате опускаем номера страниц, приведенные в книге.

председателем Московской уголовной палаты» (с. 252): описания уголовных историй полюбились публике: «...читать про преступления всегда занимательно» (там же). И даже кот в лесковской «Леди Макбет...» имеет, по мнению исследовательницы, предшественника — он «проскользнул» из рассказа Эдгара По «Черный кот» (с. 253).

М. Кучерская лишь походя упомянула важный, как мне кажется, эпизод: обращение Лескова к Литературному фонду с просьбой о ссуде. В это время писатель прервал публикацию своей хроники «Чающие движения воды» (будущих «Соборьян») у Краевского — тот произвольно сокращал текст, не спрашивая автора. Лесков просит ссуду, чтобы окончить большую работу. Об этом рассказывает сын писателя, приводя ответ фонда: «Комитет, находя, что ссуда не может быть выдана г. Лескову, так как ссуды выдаются лишь за поручительством членов Комитета, желавших же принять на себя поручительство за г. Лескова в Комитете никого не оказалось, но имея при этом в виду, что было бы справедливо оказать некоторое пособие автору, определил: в ссуде отказать, а относительно пособия поручить предварительно В.П. Гаевскому собрать сведения о положении г. Лескова». Вот ответ писателя председателю фонда Е.П. Ковалевскому. «Ваше превосходительство Егор Петрович! П.В. Анненков известил меня, что просьба моя о заимообразной ссуде из Литературного фонда удовлетворена не будет; но что Комитет поручил г. Гаевскому посетить меня и осведомиться о моем положении, дабы потом подать мне некоторое безвозвратное вспоможение. — Не имея способности принимать от кого бы то ни было безвозвратных пособий, я тем более далек от желания получить их от членов русского литературного общества, которое отозвалось, что оно меня не знает и в кредите мне отказывает. Прошу ваше превосходительство передать г. Гаевскому мою просьбу, чтобы он не утруждал себя посещением, которого я не приму; а просьбу мою о ссуде считать не требующею никаких последствий»¹⁵.

Это, конечно, один из многих эпизодов, доказывающих драматическое положение Лескова в литературе — но эпизод многозначительный. Дело не только в «крушении эпической попытки одного из крупнейших писателей»¹⁶; становится понятно, почему Лесков упорно не соглашался на то, чтобы писательская братия отметила 25-, 30- и 35-летний юбилей его литературной деятельности; понятно, почему он не хотел речей на похоронах, — он жил и умер одиноким в литературе.

Говоря о сближении Лескова с Львом Толстым, М. Кучерская пишет, что ему «всегда нужно было иметь того, пред чьей системой ценностей можно преклонить главу. Когда-то это был Герцен, потом Катков. Теперь осознавать свои взгляды и понимать себя ему помогал Толстой» (с. 472). Едва ли это так: Лесков, по-моему, всегда был вне системы, всегда был сам по себе. «Широк человек, — говорит персонаж Достоевского, — слишком широк, я бы сузил»¹⁷. Широк был и автор «Карамазовых», и Лесков. Их отношения (прежде всего художественные), несмотря на обилие разного достоинства работ, все еще ждут своего исследователя.

В качестве иллюстрации к лесковским воззрениям на человека перескажу незаконченную новеллу нашего героя «Оскорбленная Нетета». Сюжет взят у Иосифа Флавия. Дело происходит в Египте, покоренном Римом. Молодую замужнюю женщину, героиню повести, домогается всадник Деций Мунд; его ухаживания Нетета отвергает с негодованием. Служанка Деция придумала, как помочь ему: жрец приглашает Нетету в храм Изиды, где ею овладевает Деций под видом бога Анубиса.

15 Лесков А.Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памятям. М., 1984. Т. 1. С. 270

16 Аннинский Л.А. Лесковское ожерелье. СПб., 2012. С. 250.

17 Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Л., 1976. Т. 14. С. 100.

Когда Нетета узнает правду от похваляющегося победой Деция, она все рассказывает мужу, а тот — императору Тиберию. Деция приговаривают к сожжению на костре. Нетета тайком видится с Децием, после чего повторяет: «Он на самом деле бог!» Когда Деция возводят на костер, Нетета бросается в огонь и сгорает вместе со своим оскорбителем. Вот вам сюжет «Ночного портъе».

В книге М. Кучерской подробно говорится о Л.И. Веселитской (Микулич), близкой знакомой Лескова последних лет жизни; исследовательница видит здесь «последнюю любовь» писателя. Не берусь спорить: автор имеет право на предположения и этим правом тактично пользуется. Добавлю лишь, что в последние годы жизни Лескова среди его знакомых было несколько молодых женщин: не считая Л.Я. Гуревич, которой писатель сочувствовал, в чьем журнале печатался, о чьем журнале постоянно говорил и писал, была еще художница Зинаида Петровна Ахочинская (1861—1933), которой он писал дидактические письма, о которой хлопотал, знакомил ее с Репиным, заказывал ей иллюстрации к своей легенде «Зенон-златокузнец» («Гора»), звал в Меррекуоль. Но это уже отдельная история.

В одной книге — даже очень хорошей — нельзя сколько-нибудь полно рассказать о жизни Лескова. Можно рассказать о главном — именно это сделала М. Кучерская.